

вовала такая посылка достижению некоторой «ценности» (например, процветанию штата Мехико).

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Козловски считает принцип категорического императива Канта слишком неконкретным, чтобы он мог направлять решение этических проблем экономических теорий (там же. С. 168).

¹¹ Müller-Reißmann, 1989. S. 17: «Синтаксически с ориентирами обращаются как с объектами»; Bossel, 1989. S. 144: «Чисто формально и синтаксически модуль ориентиров построен точно так же, как модуль вещей».

Перевод с нем. В. Н. Брюшинкина

Анализ понятия существования: от Канта к современной логике

Е. Е. Ледников

(Московский институт тонкой химической технологии)

Среди многочисленных заслуг Канта хотелось бы обратить внимание на анализ понятия существования. Как известно, Кант не признавал ни опытной, ни теоретической возможности доказательства бытия бога; последнее, по его мнению, только объект веры. Поэтому он не мог согласиться с правомочностью так называемого онтологического доказательства бытия бога, обычно приписываемого средневековому схоласту Ансельму Кентерберийскому, попытки улучшения которого предприняли впоследствии Декарт и Лейбниц. В нашу задачу не входит детальный анализ различных версий подобных доказательств¹, отметим лишь, что все они используют понятие существования в функции предиката, точнее сказать, атрибута, неотъемлемого свойства, без которого бог как безусловное необходимое существо не может мыслиться. Но коль скоро бога и представить себе несуществующим невозможно, значит, это существо высочайшего совершенства существует².

Кант хорошо понимал различие между мыслимым и реальным существованием. Он предостерегал от заключений о бытии вещи на основе ее возможности, то есть на основе ее логически непротиворечивого представления в мысли (З, 520). Одного этого замечания было бы достаточно, чтобы разрушить онтологический аргумент. Однако Кант, изучая структуру аргумента, сделал вывод о том, что существование не является свойством вещей, предикатом, способным увеличивать содержание субъекта мысли. «Если я мыслю вещь посредством каких угодно предикатов и какого угодно количества их (даже полностью определяя ее), то от добавления, что эта вещь *существует*, к ней ничего не прибавляется. В противном случае существовало бы не то же самое, а больше того, что я мыслил в понятии, и я не мог бы сказать, что существует именно предмет моего понятия. Если я даже мыслю в какой-нибудь вещи все реальности, кроме одной, то от того, что я скажу: *эта вещь*,

в которой чего-то не хватает, существует, — недостаточная реальность не прибавляется: вещь существует именно с тем недостатком, с каким я ее мыслил; в противном случае существование принадлежало бы к чему-то иному, а не к тому, что я мыслил» (3, 522). Замечание Канта выглядит остроумным, поскольку от того, является ли существование предикатом, у него зависит сама возможность адекватного воспроизведения предмета в мысли. Несколько раньше Кант замечает, что сотня действительных талеров ничем не отличается от сотни воображаемых талеров — в противном случае мы не смогли бы правильно вообразить действительные талеры (3, 521). Наконец, существование в своем логическом значении является, по мнению Канта, не более чем связкой (*есть, суть* в русском аналоге рассуждения Канта) между подлежащим предложения и его сказуемым. Поэтому, сказав, что бог есть, мы не присоединяем никаких новых признаков к понятию, а лишь полагаем подлежащее со всеми его сказуемыми (3, 521).

Идея Канта, что существование не является предикатом, была воспринята без оговорок в логическом позитивизме (Б. Рассел, Р. Карнап), она отстаивалась видными представителями философии логики (У. Куайн). В последние четверть века она, однако, стала объектом возражений со стороны создателей так называемой свободной (от экзистенциальных предпосылок) логики, в системах которой часто вводятся онтологические предикаты существования³. Уместно поэтому обсудить, насколько справедлива как идея Канта, так и ее критика.

По нашему мнению, аргументация Канта заслуживает более тщательного анализа, чем тот, который обычно проводился до сих пор. С одной стороны, Кант как будто прав, что понятие о действительных ста талерах совпадает с воображаемыми ста талерами — и тех и других именно сто, а не десять, в обоих случаях фигурируют талеры, а не гульдены или рубли. С другой — вряд ли кто-нибудь на основании представлений о ста талерах вздумает осуществлять операции купли-продажи, так же, как никому не придет в голову позавтракать воображаемым бифштексом. Стало быть, реальные и воображаемые предметы чем-то отличаются. Спрашивается, в чем же может заключаться различие предметов, если не в их свойствах?

Более глубокое проникновение в суть аргументации Канта показывает, однако, что он имел в виду сравнение не мыслимых денег с реальными, а *мыслимых* реальных денег с воображаемыми, то есть опять-таки мыслимыми! Тогда то обстоятельство, что мыслимые деньги в присутствии реальных денег совпадают с мыслимыми в их отсутствие, оказывается тривиальным — присутствие или отсутствие предмета мысли не влияет на ее содержание. Последнее замечание восстанавливает справедливость рассуждений Канта о действительных и воображаемых талерах, но по-прежнему не дает ответа на вопрос, в чем раз-

личие существующих и воображаемых предметов, и как оно должно выражаться в мысли в том случае, если существование не является предикатом.

Прежде чем попытаться дать удовлетворительный ответ на поставленный вопрос, следует обратиться к некоторым особенностям человеческого мышления, ясные представления о которых отсутствовали во времена Канта, но имеются в распоряжении современного философа благодаря успехам символической логики. Такой особенностью является субъектно-предикатная структура мысли, в естественном языке она выражается формой «*S* (субъект) есть (суть) *P* (предикат)». Во времена Канта, еще не было известно, что связка «есть» традиционной логики многозначна, что она может выражать не только предикацию. Она во многих европейских языках используется в следующих смыслах: 1) для выражения существования: «предмет *есть*, существует»; 2) для выражения предикации (принадлежности элемента классу): «Сократ (есть) мудр»; 3) для выражения включения одного класса в другой: «греки (суть) люди»; 4) для выражения тождества: «Сократ (есть) муж Ксантиппы»⁴. Выражение существования в смысле (1) целиком подпадает под критическую аргументацию Канта. Случаи (3), (4) к теме обсуждения не относятся. Обратимся к смыслу (2), предикации как строгому теоретико-множественному понятию принадлежности элемента классу. Очевидно, предикация означает именно зачисление субъекта мысли в какой-то разряд (класс), тем самым определяя специфику предмета. Так, предикация «*a* (есть) красный» зачисляет предмет *a* в класс красных предметов, и он уже не может принадлежать к зеленым. Но предикация «*a* (есть) существующий» действительно, в согласии с мнением Канта, ничего не добавляет к характеристике предмета; коль скоро предмет *a* назван, он тем самым отнесен к выбранному универсуму рассуждения. Поэтому, в отличие от предиката «красный», позволяющего специфицировать красные предметы, отличать их от предметов другого цвета, предикат существования такой специфицирующей функции в универсуме рассуждения не выполняет. Предикация существования оказывается, таким образом, фиктивной.

Не меняет сути дела использование вместо индивидуальных констант в качестве субъекта высказывания индивидуальных переменных — ведь введение индивидуальных переменных предполагает задание области их изменения, того самого универсума рассуждения. Вот почему в стандартной кванторной теории смысл утверждений существования выражается кванторами общности и существования⁵, а среди дескриптивных предикатных констант предиката существования нет. В стандартной кванторной теории существовать — значит, говоря словами Куайна, «быть значением квантифицируемой переменной»⁶, то есть выполнять (делать истинным) предложение формализованного

языка. Но выполнить предложение — значит попасть в число объектов, составляющих объем дескриптивного предиката. А это значит, что критерий существования Куайна подразумевает под существованием предмета мысли наличие у него некоторых свойств. В том случае, если предмету мысли нельзя приписать никаких известных свойств (предмет не попадает в объем никакого предиката), — он не существует. Таким образом, существование или же несуществование предмета выражается истинностью или ложностью соответствующего высказывания о нем. В обоих случаях предмет оказывается существующим (или нет) в смысле обладания некоторыми свойствами, входящими в состав рассматриваемого сложного предиката, но не в смысле какого-то абсолютного существования или несуществования. Разумеется, критерий Куайна говорит о мыслимом, а не реальном существовании. Существовать здесь означает быть объектом мысли, попасть в сферу познавательной деятельности человека. Не следует только упускать из виду, что в случае истинности предложений мысленное и реальное существование соотносятся друг с другом так же, как вообще соотносятся реальность и ее адекватное отражение в сознании познающего человека. Истинные предложения существования утверждают в качестве существующего то, что существует «на самом деле».

Возвращаясь к кантовскому анализу онтологического аргумента, следовало бы сделать вывод, что все суждения о реально не существующем боге, равно как и о не существующих талерах, должны быть ложными. Вымысел не обогащает наших знаний о мире, подобно тому как купца не обогащает приписывание к его кассовому итогу нескольких нулей (3, 523). Но если по поводу суждений о боге мы без особых колебаний готовы признать их ложность, то в случае с талерами ситуация не выглядит такой бесспорной. Почему, собственно говоря, утверждения типа «сотня талеров больше, чем пятьдесят талеров», «сотня талеров не является сотней рублей» и т. п. должны быть признаны ложными только потому, что эти денежные знаки отсутствуют у рассуждающего индивидуума? Подобные вопросы могут быть заданы в отношении широкого класса несуществующих в реальности предметов — скажем, как можно признать ложным высказывание: «Пегас был пленен Беллерофонтом», если именно это происшествие случилось с крылатым конем в греческой мифологии? С другой стороны, непонятен смысл отрицательных суждений существования: «золотая гора не существует», «круглый квадрат не существует», поскольку сначала предмет заявляется как субъект мысли (ему как-будто приписывается какой-то вид существования), а затем он объявляется несуществующим.

В отношении первой группы вопросов могут быть даны различные ответы, зависящие от принимаемых философских пред-

посылок. Если вслед за Расселом руководствоваться «грубым чувством реальности», то все утверждения о несуществующем в реальном физическом мире следует признать ложными⁷. Правда, подобная точка зрения в настоящее время вряд ли найдет много сторонников, хотя бы потому, что она неминуемо войдет в противоречие с утверждениями существования математических объектов. Немногим лучше позиция некоторых авторов «свободных» логик, приписывающих высказываниям о несуществующих объектах «провалы» в истинностных значениях. Естественнее предположить, что все рассуждения об объектах, не присутствующих в физическом мире, являются модальными — они относятся к контекстам знаний, мнений и т. п. Так, все математические истины оказываются истинами в том смысле, что любой из них может быть предпослан языковой оборот «из математики известно, что...» «Истины» мифологического творчества оказываются истинами в том смысле, что все, о чем в них говорится, известно из мифов — каждой такой истине предшествует оборот «из мифологии известно, что...» Подобные обороты представляются излишними в «чисто» математических или мифологических контекстах, но в случае «смешанных» контекстов, когда в одном ряду следуют рассуждения о физическом мире, перемежающиеся математическими соображениями или примерами из мифологии, явное указание контекстов становится обязательным.

В отношении второй группы вопросов расселовское решение выглядит более удачным⁸. Ему удалось показать, что человек вообще не обязан называть несуществующие объекты, когда делает их субъектом высказываний. Разработка Расселом важной части логической теории — а именно, теории определенных дескрипций — показала, что фразы, подобные золотой горе и круглому квадрату, не являются указательными и не предполагают, как это может показаться на первый взгляд, существования субъекта высказывания. При их логической перестройке субъект в виде «пустого» имени исчезает. В результате оказывается, что выражение «круглый квадрат не существует» означает: «в универсуме рассуждения нет такого предмета a , что выражение « x — круглый и квадратный» будет истинным тогда и только тогда, когда x есть a , и ложным в других случаях». Проще говоря, в суждении «круглый квадрат не существует» постулирована несуществующая комбинация свойств, которой не может обладать ни один предмет в избранной нами предметной области, хотя формально ничто не препятствует сочинить язык с такой предметной областью, в которой круглые квадраты и прочие экзотические предметы были бы законными предметами.

Уместно в этой связи вспомнить одно меткое замечание Р. Карнапа⁹. Рассматривая все вопросы существования отдельных объектов как «внутренние» по отношению к принятому

языковому каркасу, он существование отдельного объекта сводил к его включенности в систему объектов определенного типа. Например, какая-либо вещь существует как включенная в «мир» вещей, какое-либо число (скажем, простое число больше ста) — как включенное в «мир» чисел. Эта идея системного характера существования отдельных объектов заслуживает внимания. Ведь практически любой универсум рассуждения представляет собой именно систему объектов, связанных, например, отношениями тождества, частичного совпадения свойств, различия в свойствах и т. д. Роль системного фактора возрастает для абстрактных и воображаемых объектов, принятие которых на рассмотрение невозможно без принятия и использования соответствующих языковых каркасов. Строго говоря, нет пределов тому, что человек может логически корректным образом рассматривать как существующее в мысли, поскольку мысленно могут быть построены любые желаемые системы объектов и заданы контексты, относительно которых утверждения о них будут истинными или ложными:

Выше мы показали, что предикация существования в стандартной кванторной теории может быть только фиктивной. Возникает вопрос, как обстоит дело в других логических теориях. Обратимся к «свободным» логикам. Их всех объединяет допущение индивидуальных констант и переменных, принимающих значение в «пустой» области. Последняя может пониматься достаточно широко — как любая область «не существующих реально» объектов, и такое расширение изначально принятого универсума рассуждения классической логики требует модификации основных логических правил (введения квантора существования и удаления квантора общности). Поскольку в подобных системах существующие объекты рассматриваются наряду с несуществующими, появляется, на первый взгляд, возможность нефиктивного введения предиката существования, поскольку с помощью такой предикации можно будет отличать «непустую» предметную область от «пустой». Действительно, предикаты существования (причем разного — «актуального», «нейтрального» и даже «фиктивного») широко вводятся в системы «свободной» логики¹⁰. Однако их введение связано с явным расчленением универсума рассуждения на области определения соответствующих предикатов, использованием индивидуальных переменных с разными областями изменения. С другой стороны, интуитивно понятные контексты существования могут быть эффективно переведены на язык логики с тождеством. В этом случае фраза «предмет a существует» будет выглядеть как кванторная формула « $(\exists x)(x = a)$ ». В классической логике все формулы такого вида общезначимы, поскольку индивидуальные константы обозначают только существующие в предметной области объекты. Но в «свободной» логике данная формула зависит от фактических обстоятельств выбора пред-

мета a , так как он может оказаться принадлежащим к пустой («несуществующей», вымышленной и т. п.) области. В последнем случае формула « $(\exists x) (x=a)$ » будет ложной.

Содержательно выражение существования в кванторной формуле с тождеством означает, что мы интуитивно понимаем существование в смысле *быть чем-то определенным*. Нельзя «просто» существовать, но можно существовать в виде предметов $a, b, c...$ Кстати говоря, эта идея неявно присутствует в большинстве учебников по диалектическому материализму в разделах, посвященных материи и формам ее существования.

Таким образом, контексты существования, рассматриваемые в «свободной» логике, как и в классической логике, успешно выражаются без помощи предиката существования, когда в языке имеются кванторы и предикат тождества. Как известно, предикат тождества — логический предикат, он задается в языке аксиомами рефлексивности, симметричности и транзитивности. Поскольку выше было показано, что существование не может быть введено как *дескриптивный* предикат, остается выяснить, нельзя ли его ввести как *логический* предикат имплицитно, с помощью аксиом, подобно предикату тождества. Действительно, такая возможность имеется. Но при этом между предикатами тождества и существования сохраняется существенное различие. В то время как введение предиката тождества в любую систему первопорядковой логики приводит к расширению выразительных возможностей ее языка, аналогичное введение предиката существования оказывается элиминируемым. Вот почему полностью справедливо высказывание Хинтики: «Существование, если угодно, есть некоторый предикат, определяемый посредством экзистенциального квантора и предиката тождества»¹¹.

Подведем итоги наших рассуждений: 1) существование, по желанию, может конструироваться в логической системе как логический предикат, причем системы с таким предикатом могут быть построены непротиворечивым образом; 2) однако введение в логическую систему предиката существования как логического предиката не приводит к расширению выразительных возможностей языка, поскольку все, сказанное с помощью такого предиката, может быть сказано без него. Если теперь вернуться к рассуждениям Канта по обсуждаемой проблеме, становится ясным, как далеко ушла логика в понимании структуры рассуждений и роли в ней понятия существования. Однако историческая заслуга Канта — инициатора обсуждения проблем, затронутых в данной статье, — не может быть поставлена под сомнение никакими последующими достижениями.

¹ См. об этом, например: Дулуман Е. К. Идея бога. М., 1970.

² Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 384, 432.

³ Хороший обзор таких логик и воззрений на понятие существования

в них см.: Гладких Ю. Г. Логика без экзистенциальных предпосылок. Ростов, 1984.

⁴ Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 1966. С. 227.

⁵ Напомним, что связанная квантором переменная — это результат операции над областью изменения свободной переменной.

⁶ Quine W. V. *Methods of logic*. N. Y., 1961. P. 224.

⁷ Russel B. On denoting.— *Contemporary readings on logical theory*. N. Y., 1967. P. 93—105.

⁸ Там же.

⁹ Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология//Значение и необходимость. М., 1959. С. 298—320.

¹⁰ Гладких Ю. Г. Указ. соч. С. 85—89.

¹¹ Hintikka J. *Philosophical problems in logic*. Dordrecht, 1970. P. 34.

Кант, ценностные суждения и некоторые классические проблемы философии

А. Н. Троепольский

(Калининградский государственный университет)

В текстах произведений Канта и, в частности, в тексте «Критики способности суждения» терминология «ценностные суждения» не употребляется. В этой работе Кант анализирует природу эстетического суждения, под которым он понимает суждение, «определяющее основание которого может быть только субъективным» (5, 203). В качестве разновидностей эстетического суждения Кант рассматривает суждения, предикаты которых представлены словами «приятное», «прекрасное», «доброе» (5, 217). Однако, нам представляется, что список суждений, определяющее основание которых является субъективным, легко может быть продлен. Например, к числу эстетических по этому основанию следует отнести суждения с предикатами «умный», «серьезный», «справедливый», «полезный» и т. д. Но столь же ясно, что название этих суждений в качестве эстетических становится все менее мотивированным, хотя, с другой стороны, становится очевидным, что общим для этих суждений по-прежнему является употребление в качестве определяющего основания связи субъекта с предикатом ценностного мотива, проявляющегося у лица, высказывающего эти суждения в виде чувства (не)удовольствия.

В связи с этим правомерна реконструкция: конституировать класс ценностных суждений, подклассами которого выступают кантовские эстетические суждения. Введем в рассмотрение этот класс посредством следующего явного определения: ценностные суждения — это суждения, в которых слова «хорошо», «плохо», «приятно», «неприятно», «прекрасно», «безобразно», «добро», «зло» и т. д. используются в качестве оператора либо предикатора, т. е. по схеме модальностей *de dicto* либо *de re*.

Кант характеризует эстетическое суждение как «такое суж-